

Нейтрализация факторов радикализации ислама в Дагестане в советское время

К.М. Ханбабаев

В статье [35] на основе анализа богатого фактического материала, часть которого впервые вводится в научный оборот, раскрываются основные направления, формы и методы радикализации ислама и их нейтрализации в советском Дагестане.

Ключевые слова: закят, вакуф, шариат, мактаб, медресе, декрет об отделении церкви от государства и школы от церкви в Дагестане, антирелигиозная пропаганда, возрождение ислама.

The article contains full analysis of factual material partially put into scientific circulation for the first time. The author describes basic directions, forms and methods of Islam radicalization and the ways of their neutralization in Soviet Daghستان.

Keywords: zakat, vakf, Sharia, maktab, madrasah, the Decree on the separation of Church and State, Church and school education, counter religious propaganda, Islam revival.

В первые годы советской власти происходят существенные изменения в отношении официальных властей к исламу [36, с. 120–122]. Новая власть старалась найти компромисс с религией как мировоззрением и социально-культурной системой. Тем самым она старалась нейтрализовать факторы радикализации ислама в Дагестане. Учитывая, что приверженцев ислама на Кавказе было много, первые руководители советского государства проводили осторожную политику по отношению к мусульманскому духовенству, исламу, шариату. Так, выступая на съезде народов Дагестана 13 ноября 1920 г. в Темир-Хан-Шуре с декларацией об объявлении советской автономии Дагестана, Нарком по делам национальностей РСФСР И.В. Сталин заявил: «Советское правительство считает шариат таким же правомочным обычным правом, какое имеется и у других народов, населяющих Россию. Если дагестанский народ желает сохранить свои законы и обычаи, то они должны быть сохранены» [32, с. 362]. Руководствуясь этими указаниями советского правительства, органы власти некоторых субъектов Северного Кавказа – Дагестана, Чечни, Ингушетии – до 1927 года сохраняли шариатские суды.

В ноябре 1921 г. проходила Дагестанская областная партконференция, где был рассмотрен вопрос об отделении церкви от государства и школы от церкви. Участник конференции нарком просвещения А.А. Тахо-Годи считал, что ленинский декрет об отделении церкви от государства и школы от церкви, сам по себе выдающийся, революционизирующий акт для России, в специфических условиях Дагестана является преждевременным, ибо Дагестан

не созрел для этого важного государственного мероприятия [19, с. 224]. Но его точка зрения не была поддержана участниками конференции.

Председатель ЦИКа Дагестана Н. Самурский предупреждал, что насильственные меры против духовенства бесполезны и опасны, ибо «закрывать медресе нет возможности, они будут существовать, какие бы насильственные меры против них ни предпринимались, будут прятаться в ущелья, в пещеры, и тогда будут вырабатывать уже открытых фанатичных врагов советской власти, преследующей религию». Более того, «всякое преследование духовенства в Дагестане неминуемо приведет к «перманентному» восстанию населения. Поэтому вопрос о борьбе с духовенством в Дагестане является вопросом чрезвычайно деликатным и подходить к нему нужно с очень большой осторожностью».

Исходя из сложившегося положения, он предлагал целый ряд последовательных мер.

Во-первых – провести полную национализацию власти в Дагестане, потому что «больше, чем в какой бы то ни было стране, в Дагестане вся власть должна состоять из местных людей, чтобы не было никакой возможности говорить, что страной правят русские-гяуры (т. е. иноверцы, не мусульмане)» [30, с. 149].

Во-вторых – создать широкую сеть светских школ, подготовить учителей, учебники, пособия и т. д.

5 февраля 1921 г., выступая на заседании Дагревкома в прениях по докладу наркома народного образования Векшина «О положении Дагестанского народного комиссариата просвещения», Н. Самурский высказал пожелание, чтобы «в сельских школах поменьше занимались изучением Корана, а больше отдавали время просвещению» [9, с. 196].

В-третьих, для ослабления шариатской правовой системы, полностью находящейся под властью духовенства, необходимо расширить сети дешевых словесных народных судов.

В-четвертых – принять во внимание, что экономическая база духовенства состояла из «вакуфов» и «закята». По словам Н. Самурского, «вакуфы – это не только церковное имущество, это своеобразное мусульманское «земство», находящееся целиком в руках духовенства. На доходы с вакуфов содержатся не только мечети и муллы, но и мосты, и водопроводы, и дороги, и благотворительные учреждения» [30, с. 149].

Учитывая неудачный опыт Туркестана, где после административного распоряжения об изъятии вакуфов новая власть вынуждена была восстановить их, в Дагестане предлагалось только ввести точный учет «вакуфных доходов сельскими обществами и о содержании за счет вакуфов светских школ».

Мусульманское духовенство контролировало большое количество вакуфной собственности в Дагестане – 10 тыс. га земли [24, с. 74]. По подсчетам окружных фининспекций, в 1925/1926 хозяйственном году общая сумма поступлений от вакуфов и закята в ДАССР составляла около 1,5 млн

руб. [23, с. 36; 11, с. 132–133]. В 1925 г. в Дагестане действовали 500 медресе и 766 мактабов [42]. В Дагестане на начало 1928 г. было 600 кадиев, 2000 мулл и столько же алимов, до 2000 мечетей, действовали 17 шейхов и тысячи суфиев [43]. С целью подрыва политической и экономической основы мусульманского духовенства с начала 20-х годов XX в. все земли и имущество мечетей (вакуфы) были переданы кресткомам [5, с. 154–160].

На основании постановления бюро ДК ВКП (б) Президиумом ЦИК ДАССР от 18 апреля 1927 г. (протоколы № 2 и № 8) было решено ликвидировать окружные шариатские суды и отменить положение о шариатских судах [38]. Вторая сессия ЦИК ДАССР VI созыва в ноябре 1927 г. законодательно закрепила ликвидацию окружных шариатских судов в Дагестане.

Духовенство упорно сопротивлялось изъятию вакуфного имущества в пользу кресткомов. Представители духовенства выступали на сходах, проводили собрания жителей в мечетях за сохранение вакуфов [10, с. 75]. Несмотря на это, доходы дагестанского духовенства от вакуфов и закятов оставались значительными. В 1926/1927 гг., например, они составляли 1,5 млн руб. при наличии 145 тыс. крестьянских дворов. Единый же сельскохозяйственный налог за год исчислялся лишь в 538 тыс. руб. [23, с. 36]. В связи с этим вопрос об изъятии из рук духовенства вакуфного имущества приобрел для советской власти большое значение. Совнарком ДАССР в январе 1927 г. принял постановление об изъятии вакуфного имущества у мечетей [17]. У мусульманского духовенства было отобрано и передано через аульские общества взаимопомощи [АОВ] малоимущим и середняцким крестьянским хозяйствам более 7 тыс. га пашни и пастбищ, разное имущество (мельницы, дома и т. д.) на сумму 212,7 тыс. руб. [7, с. 306]; десятки тысяч десятин земли были распределены среди бедноты. Тогда же закрыли сельские и окружные суды, действовавшие по нормам местных адатов и мусульманского права (шариата) [5, с. 21]. В постановлении говорилось: «Все вакуфные имущества, находящиеся во владении, пользовании и распоряжении различных религиозных установлений Дагестана (медресе, мечети и прочее) и обслуживающих эти установления лиц (мулл, кадиев и пр.), объявить национальным достоянием» [14].

В Кюринском и Андийском округах вакуфное поступление было более значительным, чем в Гунибском, Табасаранском, Дербентском и Хасавюртовском. По мнению ДЦЕС АОВ, это объясняется недостаточным вниманием со стороны окрисполкомов и сельских советов. Совсем не поступало в фонд КАОВ в Лакском, Дербентском и Кайтаго-Табасаранском округах. Поэтому, чтобы лишить духовенство материальных средств, необходимо было лишить его права получения закята от крестьянства [41].

По Буйнакскому округу вакуфного имущества было изъято: деньгами – 5485 р. 47 к., пахотной земли – 870 1/4 десятины, пшеницы – 5035 п. 33 ф., муки – 152 п., кукурузы – 2780 п. 15 ф. и ячменя – 80 п., крупного скота – 22 головы, баранов – 1947 голов, масла – 11 п., мяса – 52 п., два дома, 5 медресе, бязи – 20 арш., картофеля – 300 п., всего на сумму 30197 р. 78 к.

Крестком, реализовав часть полученного вакуфного имущества, приобрел 5 тракторов, 1 жатку, 1 сенокосилку, 1 сортировку, 1 молотилку, 2 кукурузные молотилки и 25 плугов. По Буйнакскому округу также было изъято 6 домов и около 200 ковров [40].

Мероприятия советской власти по национализации вакуфов и изъятию закята дагестанское вызвали открытое сопротивление духовенства. Духовенство скрывало вакуфные земли и имущество, призывало верующих не сдавать закят в кресткомы. Духовенство организовало массовые вступления против изъятия вакуфов.

Верующий, горец-крестьянин, считал вакуфное имущество священным, имеющим свое божественное назначение, и для него грешно было даже само поднятие вопроса об изъятии вакуфов. Поэтому большая часть крестьянства выступала не за передачу вакуфов комитетам крестьянской взаимопомощи, а за их сохранение у мечетей [19].

Относительно закята предлагалось вести пропаганду о передаче его из рук духовенства в крестьянские комитеты взаимопомощи. 23 января 1927 года ЦИК и СНК ДАССР издали постановление «О национализации вакфных имуществ» [15]. В мае 1928 года, подводя итоги работы кресткомов, Н. Самурский докладывал:

«...По предварительным итогам в фонд кресткомов поступило от вакуфов: пахотной земли 2821 3/4 дес.; пастбищ 1111 дес.; сенокосных участков 962 1/2 дес.; садов 101 дес.; фруктовых деревьев 7888 штук; предметов, поддающихся исчислению в денежном выражении, на общую сумму свыше 250 000 р.; домов 105; мельниц 42 и т. п.

Таким образом, из рук духовенства мы изъяли значительное количество материальных ценностей и обратили их на нужды беднейшего населения аула» [28, с. 1].

Государственные органы поставили перед кресткомами следующие задачи: «Целиком и полностью изъять вакуфное имущество там, где это в полной мере не осуществлено, использовать наличные ресурсы с максимальным хозяйственным эффектом, направить основное внимание кресткомов на развитие производственно-хозяйственной деятельности, на коллективизацию сельского хозяйства (организацию коллективов, артелей и товариществ) и кооперирование бедноты, обеспечить бедняцко-среднеяцкий состав кресткомов, поднять этим самым свой авторитет среди широких слоев крестьянского населения и добиться поступления в фонд АОВ заккятов – таковы очередные задачи кресткомов» [28, с. 1].

Для борьбы с имамом Н. Гоцинским в политике новой власти в отношении мусульманского духовенства привлекались популярные шейхи накшбандийского тариката Али-Хаджи Акушинский, Хабибула и Гасан Кахибские.

В конце 1923 года в селении Хахиб Аварского округа состоялся съезд духовенства Нагорного Дагестана. Организаторами съезда были шейхи – 75-летний Хабибула и 90-летний Гасан Кахибские. Кроме 76 влиятельных

духовных лиц и ученых-арабистов в работе съезда приняли участие несколько сот горцев.

Основными вопросами, стоящими на повестке дня съезда, были: отношение к советской власти, к светским школам, к главе контрреволюции в Дагестане – имаму Гоцинскому. Как пишет Н. Самурский, «съезд проходил очень бурно, временами дело едва не доходило до кинжалов, которыми дагестанское духовенство умеет владеть не хуже, чем Священным писанием» [30, с. 151].

Несмотря на бурное обсуждение, за резолюцию о поддержке новой власти, светской школы, об объявлении главы контрреволюции Н.Гоцинского «врагом дагестанского народа и всего мусульманства, стоящим «вне шариата», т. е. «вне закона», проголосовали 67 человек из 76.

Участниками съезда был принят текст воззвания «К братьям-мусульманам Дагестана и всего мира». В нем говорится: «Мы, шейхи, кадии, муллы, вообще арабисты, заявляем, что Советская власть совершенно не притесняет религию, что она не захватывает мечетей, что она не убивает кадиев и мулл за то, что они арабисты, или за то, что они молятся.

Мы знаем, что Советская власть строго и крепко стоит за полную свободу веры каждого человека, и знаем, что Соввласть не старается понемногу заманить мусульман в христианство, как это было при царском правительстве.

Мы считаем своим долгом призвать всех мусульман не верить никаким ложным слухам о Советской власти, так как мы глубоко уверены, что все, распространяющие их, – клязники, лжецы и обманщики, которые ищут себе только власти и богатства.

Съезд призывает всех мусульман Дагестана и тех местностей, где услышат наш призыв, всей душой искренне подчиниться существующей сейчас власти и рука об руку с ней бороться против общих врагов свободных советских республик и всего мусульманского мира. Ибо тот, кто хочет гибели Советской власти, хочет порабощения мусульманского мира. Помните, что Коран говорит, что подчинение существующей власти является вашим долгом, тем более что Соввласть освобождает мусульман от рабства».

Дальше читаем: «Каждый мусульманин обязан знать, что Советская власть всеми силами поддерживает всех мусульман мира в их борьбе за освобождение от насилия.

Мы знаем, что Гоцинский обманул нас. Зная и учитывая все зло, бедствия и жертвы, нанесенные Гоцинским всем племенам Дагестана, учитывая, что он искал власти и богатства, а также предлагал свои услуги общим нашим врагам ради своих благ, забыв всех мусульман мира, мы считаем необходимым объявить всему населению, что Гоцинский заслуживает самой суровой кары.

Мы объявляем этого лжеимама, погубившего массу людей ради своих баранов и ради денег, даваемых ему англичанами, вне шариата и адата.

Мы громко заявляем, что Гоцинский изменил дагестанскому народу и всем мусульманам мира.

Смерть врагам Советской власти и всех мусульман! Газават против наших общих врагов! Да здравствует власть Советов, освобождающая все народы от царских цепей!» [30, с. 152].

Воззвание и резолюция съезда духовенства были переведены с арабского на местные наречия и тюркский язык и распространялись на Северном Кавказе и в других местах.

Съездом духовенства Нагорного Дагестана на имя В.И. Ленина и И.В. Сталина были посланы телеграммы: «Москва, Ленину и Сталину. Съезд духовенства и шейхов горного Дагестана в числе 76 человек приветствует тебя, вождь великой армии трудящихся, освобождающей весь мир от цепей рабства и позора. Мы верим победе твоей армии, мы верим, что мусульманство с помощью твоей армии освободится от насилия. Мы вместе с нашей беднотой ждем твоего выздоровления, мы будем помогать твоей армии. Выбранный съездом председатель шейх Кахибский» [30, с. 152].

Исследователи очень высоко оценивали значение съезда, ибо «здесь важно то, что это духовенство отвергло незыблемость шариата, признало необходимым некоторый пересмотр его правил, чтобы применить их к современным условиям жизни. На съезде раздавались голоса, что нельзя сейчас жить по правилам, установленным 1 300 лет тому назад, что Магомет не мог предусмотреть того, что случится после него, что если бы он жил сейчас, он сам внес бы изменения в Коран и шариат, ибо он проповедовал в них наиболее рациональное устройство жизни применительно к существующим условиям».

Отмечалось, что новое «течение в духовенстве является уже реформаторским, обновленчеством в магометанской религии, первым сдвигом скалы мусульманства, тысячу двести лет стоявшей в Дагестане незыблемо», когда политические разногласия на съезде перешли в церковный раскол.

Представители новой власти широко привлекали в своей работе «обновленческую группу». Н. Самурский писал: «Мудрая политика в Дагестане заключается в использовании духовенства, в предоставлении духовной интеллигенции возможности перейти на светскую работу. Постепенно «расклерикалить» клерикалов, перевести их на гражданскую работу, одновременно широко развертывая сеть советских школ и народных судов. Это единственно возможный путь с влиянием духовенства и религии в Дагестане» [30, с. 153].

В то же время он считал, что существует и другой, более скорый и более верный путь – развитие промышленности и пролетаризация крестьянства, но это средство сейчас недоступно бедному Дагестану.

Одной из главных задач новой власти в Дагестане после победы в Гражданской войне было следующее: «всемерно стремиться к вовлечению широких слоев коренного населения Дагестана в советское строительство, с соблюдением при этом особой осторожности, со строгим учетом их национально-бытовых особенностей и уровня культурного развития» [27, с. 207].

От учета национальной психологии, национального характера, быта, нравов и традиций во многом зависел успех агитационно-пропагандистской

работы в бедняцких массах. Так, в «Докладной записке в ЦК РКП (б)» от 25 марта 1922 года отмечалось, что «нельзя приобрести идейное влияние в темных, суеверных, фанатично-религиозных аулах, не зная быта, нравов и обычаев, верований и предрассудков населения. Только при хорошем знании жизненного уклада и психологии племен Дагестана, знании, соединенном с умелой и осторожной тактикой, можно было рассчитывать на успех. Слишком поспешные и слишком решительные меры не только обрекались на неудачу, тем самым дискредитировали в глазах населения Советскую власть, но и подрывали доверие населения» [2, с. 205].

Учитывая широкое распространение в Дагестане шариатского судопроизводства, руководители советской власти в Дагестане выступали за сохранение на первом этапе строительства новой государственности народно-шариатских судов. Так, заместитель председателя Дагестанского революционного комитета Н. Самурский, заведующий отделом юстиции А. Тахо-Годи, секретарь И. Лапин издали приказ № 2154 от 10 июля 1920 года отдела юстиции Даггревкома о создании народно-шариатских судов в Дагестане. В нем указывается, что в таких городах, как Темир-Хан-Шура, Петровск, Дербент, окружных центрах – Ахты, Кумух, Левашы, Ботлих, Гуниб, Хасавюрт, Маджалис, Касумкент Дагестанский областной революционный комитет образовал «окружные народно-шариатские суды, в коих шариат применяется к преступникам со всей строгостью, борьба с преступностью будет вестись самым беспощадным образом. В городах для мусульман организованы такие же городские народно-шариатские суды, а для немусульман – народные.

Для судов обоих типов учреждается в Темир-Хан-Шуре областной Кассационный народный суд. Недовольные решениями окружных и городских судов могут подавать кассационные жалобы в областной суд в г. Темир-Хан-Шуре.

Для рассмотрения мелких уголовных дел и гражданских исков ценой не свыше 100.000 рублей в каждом сельском обществе организуется сельский шариатский суд.

Для подачи бесплатной юридической помощи населению при коллегии защитников и обвинителей организована в гор. Темир-Хан-Шуре консультация (помещение бывшего мирового отдела), куда могут обращаться все граждане, кои будут нуждаться в юридическом совете, в подаче жалоб и разъяснении юридических вопросов.

...Приказ этот должен быть прочитан на сельских сходах и в мечетях муллами и кадиями оповещен между населением» [45].

Кстати, идею о сохранении при новом строе шариатского судопроизводства поддержали в 1921 году тогдашний нарком по делам национальностей И.В. Сталин, выступивший на съездах народов Дагестана и Терской области, руководивший партийной работой в Азербайджане С.М. Киров, а также идеологи Султан-Галиев и Расулов в Татарии, Катханов в Кабарде, Али Митаев в Чечне.

С несколько иных, религиозно-идеалистических позиций подходил к этому вопросу С. Габиев. Еще раньше, 30 ноября 1918 г., выступая на 5-й сессии трудовых народов Северного Кавказа, он говорил: «Я верю в нашу победу так, как верю в Коран и шариат, ибо знаю, что и тот, и другой не противоречат идеям коммунизма. Большевизм не нов исламу, коммунисты были во 2-й эре ислама, и они так и называются в шариате – коммунисты» [33, с. 190–191].

Народный комиссариат внутренних дел Дагестана издал постановление № 4 от 21 июня 1921 г. о регистрации браков. В нем указывается, что «в развитии 66 статьи Кодекса законов об актах гражданского состояния Наркомвнутдел предписывает всем служителям религиозных культов в пределах городов Дагестанской Советской Социалистической Республики не совершать религиозных браков прежде, чем такой брак не будет зарегистрирован в соответствующем отделе актов гражданского состояния» [44].

Постепенно укрепившись, новая власть лишает духовенство избирательных прав. Так, исходя из постановления президиума Дагобкома РКП (б) от 23 октября 1921 г. об отмене своего решения от 12 июля 1921 г. о предоставлении духовенству избирательных прав, президиум Дагестанского ревкома принимает 26 октября 1921 г. следующее решение: «Признать старое постановление о допущении духовенства к выборам неправильным и отменить. Пункт о выборе духовенства отменить, о чем сообщить на месте, внести в пункт Конституции, что лица духовного сословия лишаются избирательного права выборов. Дагестанскому ревкому издать декрет об отделении церкви от государства и школы от церкви. Особо вредных лиц духовенства предложить Дагестанской ЧК изъять. Все уголовные преступления из народных судов передать в Ревтрибунал и судебные органы» [44].

Как показала практика работы шариатских судов, они оказались бессильными в борьбе с уголовными преступлениями. Летом 1921 г. отмечалось, что во всех округах Дагестана с введением шариатского судопроизводства участились случаи грабежей, разбоя, кровной мести, а безнаказанность привела к неимоверному развитию бандитизма [37]. Подытоживая результаты работы окружных съездов бедноты, отмечалось, что съезды однозначно выступают за немедленное изъятие «уголовных дел из ведения шариатских судов» [22, с. 141–145; 37].

Тогда же Дагестанский ревком издает приказ об изъятии уголовных дел из ведения шариатских судов. В приказе от 26 октября 1921 года, подписанным председателем Дагревкома Д. Коркмасовым, наркомом внутренних дел Н. Самурским и секретарем Н. Султановым, отмечается, что «развившаяся в Дагестане до необычайных размеров уголовная преступность, лишаящая трудовую бедноту возможности мирной рабочей жизни (какое явление объясняется несоответствием содеянным преступлениям карательных мер, принимаемых шариатскими судами), угрожает нормальному течению общественной жизни Дагестана и появлением самосудов. Революционный комитет ДССР в целях пресечения дальнейшего развития уголовной

преступности и действительной охраны жизни и имущества граждан республики постановил: Изъять из ведения шариатских судов все уголовные дела, как то: об убийствах, разбоях, грабежах, всякого рода кражах, мошенничествах и пр.

Впредь до организации по всей территории ДССР революционных народных судов председатели окружных ревкомов и председатели районных ревкомов под личную их ответственность обязываются всех уголовных преступников, подсудных шариатским судам, вместе с произведенными по делам о них соответственными следственными органами дознания предварительными следствиями, с мотивированными по ним заключениями, направлять в гор. Буйнакск в распоряжение Главной милиции для передачи как обвиняемых, так и переписков по ним в административные и судебные органы по принадлежности» [46].

Одним из примечательных документов, характеризующих государственно-конфессиональные отношения в Дагестане в начале 20-х годов XX в., отношение новой власти к мусульманскому духовенству является «Обращение Дагестанского комитета Российской Коммунистической партии, Центрального Исполнительного Комитета и Совета Народных Комиссаров ДАССР к населению Дагестана» от 15 сентября 1923 г. Оно подписано тогдашними исполняющими обязанности Председателя Центрального Исполнительного Комитета ДАССР А. Тахо-Годи и Председателя Совета Народных Комиссаров ДАССР Н. Самурским. Опубликовано Обращение в газете «Красный Дагестан» [21].

Его появление связано с тем, что противники советской власти усилили пропагандистскую компанию, которая вела к обострению социальной напряженности в Дагестане. Так, среди жителей распространялись слухи, будто новые власти «национализируют женщин, отнимут у матерей их детей до 15-летнего возраста, отнимут у вас все имущество – дома, сады, инвентарь, воспретят и уничтожат религию и шариат, насилием задавят вашу власть, лишат вас всего, что для вас дорого», упорно распускают слухи «о закрытии мечетей, арестах духовенства, запрете религии».

Авторы Обращения, раскрывая несостоятельность такого рода слухов, вопрошают: «Но сбылось ли что-либо из провокационной лжи Н. Гоцинского? Не с вами ли, горцы, ваши жены и дети, ваше хозяйство, скот? Препятствует ли Советская власть вам и вашей религии и в выполнении ее обрядов, закрыты ли ваши мечети, арестованы ли муллы и кадии? Встречаете ли вы теперь у себя в аулах миссионеров, которые бы заставляли вас верить не так, как вы хотите верить, обращают ли вас в другую религию? А ведь в прежнее, царское время, миссионеры заполонили своими наездами окраины, преимущественно мусульманские страны, заставляли мусульман грубой физической силой переходить в христианство. Советская власть – единственная во всем мире – предоставляет всем своим гражданам широчайшую свободу совести. Коран говорит: «если не молитесь, ответите перед Богом», «правoverные, выберите между раем и адом». То же говорит и

Советская власть – если веришь – молись, если нет – это твое личное дело, нет тебе стеснения, никто тебя в этом не неволит.

Весь мусульманский Восток, весь мусульманский мир знает, что Советская власть предоставляет всякой религии, и мусульманской тоже, полнейшую свободу. Многочисленные съезды мусульманского духовенства на территории Советской Федерации – в Уфе, Башкирии, Туркестане, Азербайджане – беспрепятственно, свободно и широко обсуждают свои религиозные нужды» [21].

В качестве примера приводится отзыв о Советской власти съезда мусульманского духовенства в Азербайджане. Так, в своем обращении к населению Азербайджана, опубликованному в газетах за подписью всей Коллегии съезда духовных лиц, Мир Мухамед Керим, Мир Джафар Заде, Молла Абдулл Реуф, Молла Мелик Заде, Молла Ага Али Заде, Зия Эддин Багир Заде, Ахунд Абдулл Рахим Али Заде и Мехти Али Заде писали: «Из всех правительств с древнейших времен самым справедливым и прекрасным является Советская власть. Советская власть построена на принципе открытого волеизъявления народов ей подвластных, почему с точки зрения Корана она является вполне законной и приемлемой. Великий пророк мусульманства все важные вопросы так же решал на Совете, вместе со своим народом. Этому же принципу следовали и благочестивые халифы, обсуждавшие важнейшие дела в мечетях, вместе с правоверными» [21].

Раскрывая сущность политики советской власти в области государственно-конфессиональных отношений, авторы Обращения пишут: «Полнейшая свобода совести каждого гражданина, свобода всякой и мусульманской религии – вот незыблемые принципы Советской власти. Конечно, если религия будет использована как средство восстановления власти беков и помещиков, то также духовные лица понесут заслуженную кару».

В Обращении особое внимание было уделено тем преобразованиям, которые происходили в жизни горцев после установления советской власти, указывалось на нерешенные задачи: «Советское правительство Дагестана сейчас залечивает раны, причиненные Дагестану гражданской войной. Оно озабочено поднятием и развитием народного хозяйства: устройством дорог, проведением оросительных каналов, увеличением земельного фонда, поднятием скотоводства, созданием своих национальных полков, созданием воздушного флота, оказанием помощи голодающим, проведением всеобщей грамотности, улучшением школ. Очень мало еще сделано. И особенно в области школы. Не хватает средств и сил. Двести дагестанцев командировано нами в высшие учебные заведения, чтобы подготовить из них будущих работников на пользу Дагестана. Каждому из них правительство помогает по мере возможности стипендиями. Правительство Дагестана направляет все усилия к поднятию хозяйственной мощи Дагестана. Канал имени Октябрьской революции уже закончен, благодатные последствия этого большого начинания скоро начнут сказываться. А сколько было провокационных разговоров – «напрасно мучают народ, вода не пойдет» и т. п. В

ближайшее время будет пущен расширенный и механизированный стекольный завод «Огни», начнут работать и нефтяные промыслы, устраивается консервная фабрика и т. п. Ведется упорная борьба с бандитизмом, организуется твердый судебный аппарат. Каждому из нас ясно, что положение улучшается, но нужно время 2–3 года, чтобы довести до конца задуманное, чтобы поднять благосостояние трудящихся Дагестана. Рабоче-крестьянское правительство Дагестана в интересах дагестанкой бедноты и всех трудящихся делает все возможное для скорейших побед на экономическом и культурном фронтах».

В конце Обращения авторы от имени рабоче-крестьянского правительства Дагестана призывали «все население Дагестана не верить провокаторам, не поддаваться их трусливой клевете и лжи, которую они не смеют заявить открыто, а распускают, шушукаясь и прячась по норам. Правительство Дагестана призывает все население республики содействовать власти в выявлении подобных клеветников и врагов трудящихся, а самих трудящихся зовет к работе, к хозяйственному труду, улучшению благосостояния своего и всего Дагестана».

Исследователь А.М. Магомедов обратил внимание на то, что Обращению «придавалось столь большое значение, что оно переводилось на аварский, даргинский, тюркский (кумыкский), лакский языки, печаталось во всех республиканских и окружных газетах», что «в преамбуле к документу указано, что циркулярное письмо под контролем председателя сельского совета должно быть прочитано в обязательном порядке во время пятничного моления во всех мусульманских мечетях».

Он же высоко оценивает значение Обращения. Так, он пишет: «Циркулярное письмо оказало положительное воздействие на духовное состояние и умонастроение общества. На протяжении последующих двух-трех лет без каких-либо препятствий функционировали мечети и другие молитвенные учреждения, работали народно-шариатские суды, религиозные школы, отправлялись исламские обряды» [18, с. 538].

Новая власть выступала против реакционной части мусульманского духовенства, ведущей непримиримую борьбу против советской власти, против светских школ. Так, газета «Красный Дагестан» сообщила, что в 1925 году в с. Мулебки Даргинского округа имел место случай, когда под влиянием мусульманского духовенства и кулаков половина учащихся местных школ перестала посещать занятия. Детей, обучавшихся в советской школе, привели к холодной речке и обмыли семь раз каждого, чтобы «очистить от грехов» [16].

На IV Вседагестанском съезде Советов подчеркивалось, что новая власть не потерпит вмешательства представителей духовенства в светские дела: «Дагестанские мечети и вообще религиозные вопросы ничего общего не имеют с Советским государством. Читайте сколько хотите Коран, но не вмешивайтесь в советские законы и не мешайте улучшению жизни дагестанской бедноты» [29].

Выступая на открытии VI Вседагестанского съезда Советов в апреле 1927 года Самурский заявил: «Мы не можем примириться с контрреволюционной агитацией некоторой части реакционно настроенного духовенства. Мы не можем допустить, чтобы в дальнейшем культурном развитии нашего хозяйства нам мешало духовенство» [48].

Политика партии в отношении духовенства постепенно ужесточилась. Тем не менее, мусульманское духовенство все еще пользовалось большим авторитетом в республике, Н. Самурский много сделал для того, чтобы в 1921–1927 гг. в Дагестане продолжали действовать шариатские суды, был специально создан народный комиссариат по шариатским делам, который возглавлял известный шейх накшбандийского тариката Али-Гаджи Акушинский. Вот что показывает анализ реального состояния религиозной ситуации в Дагестане накануне и после революции. Так, если в 1913 году в Дагестане действовало 1 700 мечетей, в 766 примечетских школах обучалось 6 727 учащихся [20], то в апреле 1929 г. по неполным данным в Дагестане действовали 2 000 мечетей, 3 391 духовное лицо (кадии, будуны, муллы) и 322 мусульманские школы с 4 570 учащимися [39].

Как мы видим, если в 1929 г. в связи с открытием светских школ несколько уменьшилось количество религиозных школ и учащихся в них, то количество мечетей, наоборот, увеличилось на 300.

Из Дагестана в 1928 году в районы Усольска (ныне г. Сыктывкар), Сольвычегодска, Котласа (Архангельская область) было сослано более 800 представителей мусульманского культа, преимущественно людей пожилого возраста [13, с. 132].

Советская власть столкнулась с одной из сложных проблем в государственно-церковных отношениях – проблемой религиозного образования.

Процесс отделения школы от церкви, провозглашенного в декрете «Об отделении церкви от государства и школы от церкви» и закрепленного в последующих решениях Советского государства, проходил в Дагестане в сложных условиях. По данным переписи 1897 года количество грамотных в Дагестане составляло лишь 9,2 % населения. В 1914 г. в начальных школах Дагестана обучалось лишь около 7–8 тысяч детей, преимущественно арабской письменности. Гражданских школ было только 52 – для детей имущих классов. Из средних школ существовали Реальное училище в Дербенте и гимназия в Порт-Петровске. Вузов не было [31, с. 13]. В то же время существовало большое количество религиозных школ. В 1915 г. в Дагестане насчитывалось 693 примечетские школы с 7456 учащимися [3, с. 39]. Эти школы не давали практически никаких светских знаний.

Приступив к строительству советской школы, новая власть столкнулась с такими трудностями, как отсутствие местных педагогических кадров, школьных помещений и принадлежностей, наличие многовековых патриархально-родовых предрассудков, противодействие мусульманского духовенства. В этих условиях быстрое отделение школы от церкви было невоз-

можно. Горцы не были психологически и мировоззренчески готовы к таким переменам.

Учитывая это, советская власть вплоть до 1924 г. разрешала преподавание Корана в советских школах. Первые советские школы были своеобразной переходной формой от религиозных школ к светским. Из-за острой нехватки учительских кадров органы просвещения республики были вынуждены привлечь в советские школы в качестве учителей представителей духовенства. Например, в Кайтаго-Табасаранском округе из 157 школьных работников только 20 окончили те или иные курсы, остальные имели мечетское образование [12, с. 170].

Не остановившись на достигнутом в развитии советской школьной системы в конце 20-х годов, Дагестанский обком партии, выступая против приобщения детей к религии, поставил задачу полного изжития религиозных школ. Считалось, что это произойдет, когда основная масса трудящихся поймет их полную нецелесообразность.

Однако на практике мнение трудящихся по вопросу о религиозных школах часто игнорировалось. В Дагестане примечетские школы и медресе продержались довольно долго, чаще всего в отдаленных горных аулах. Борьба с ними была названа даже в числе главных задач культурного строительства в Дагестане в пятилетке 1928/1929–1932/1933 гг. Решающую же роль в окончательном изжитии религиозных школ сыграл административный подход к преодолению влияния религии, распространившийся в конце 20-х – начале 30-х годов и в Дагестане. Если отделение школы от мечети стало мощным импульсом для подлинного расцвета культуры и просвещения народов Дагестана, то административное изжитие религиозных школ вообще представляло собой не что иное, как отход от принципа свободы совести, включающего в себя и свободу изучения религии частным образом.

Во время революции в начале XX в. вновь происходит *политизация суфизма* – часть руководителей суфийских братств Дагестана выступили против советской власти (шейхи Узун Хаджи ас-Салты /ум. в 1919 г./ из аварского с. Салта, Магомед Балаханский /ум. в 1925 г./ из аварского с. Балахани, другие поддержали новую власть (шейхи Али-Хаджи Акушинский /ум. в 1930 г./ из даргинского с. Акуша, Хасан Кахибский /был репрессирован и ум. в конце 30-х гг. XX в./ из аварского с. Кахиб. Сторонников новой власти оказалось намного больше, чем его противников. Узун-Хаджи, возглавивший государство *Эмират Северного Кавказа* /1918–1919 гг./ имам Северного Кавказа Нажмутдин Гоцинский /ум. в 1925 г./ из аварского с. Гоцо в борьбе с советской властью потерпели поражение. Если первый умер от старости, то второй по приговору революционного военного трибунала был расстрелян в г. Ростове-на-Дону в 1925 г.

С целью подрыва политической и экономической основы мусульманского духовенства с начала 20-х годов XX в. все земли и имущество мечетей (*вакуфы*) были переданы кресткомам. В конце 20-х и 30-х гг. активизи-

ровалась антирелигиозная пропаганда органов власти, началось массовое закрытие мечетей, медресе, мактабов и передача их зданий под культурно-просветительские учреждения. Эти процессы сопровождались арестами представителей мусульманского духовенства, религиозных активистов. В Дагестане с конца 20-х – начала 30-х гг. XX в. более 1200 религиозных деятелей были приговорены к разным срокам заключения в исправительно-трудовых лагерях и физически уничтожены [26, с. 30]. Многие служители мусульманского культа, боясь ареста и ссылки, отказались исполнять службу. В Дагестане из 1469 мулл отказались исполнять службу 941 (64,1 %) из 632 кадиев – 552 (86,8 %) [47].

Активная антирелигиозная пропаганда среди населения, административные и уголовные преследования активистов суфийских братств привели к тому, что к 40-м годам XX в. легальная деятельность суфийских братств в Дагестане была прекращена. Но несмотря на преследования властей, их деятельность продолжалась нелегально.

К началу 1940 года в Дагестане фактически не осталось официально действующих мечетей, медресе и мактабов. Только в 1944 г. было создано Духовное управление мусульман Северного Кавказа (г. Буйнакск, Дагестан). Начали открываться мечети. В 1952 году в СССР 50 мечетей из 351 подчинялись ДУМ Северного Кавказа [25, с. 160]. Вплоть до конца 80-х гг. XX в. ежегодно только несколько тщательно отобранных мусульман имели право совершать хадж.

В 1950–1980 гг. предпринималось немало попыток открывать мечети. Однако разрешения на это со стороны властей не давалось. Например, об этом свидетельствует запись от 15 февраля 1958 г. приема ст. инспектором Совета по делам религиозных культов при Совете министров СССР Н.И. Смирновым представителей верующих с. Гагатль: «Представители верующих мусульман с. Гагатль Ботлихского района Дагестанской АССР граждане Баширов Узун, Мухтаров Халитбек и Рамазанов Шамхал приехали в Москву по вопросу открытия мечети в с. Гагатль.

Они рассказали, что в с. Гагатль, насчитывающем более 500 дворов, имеется около 1 000 человек верующих, которые направили их в Москву ходатайствовать об открытии мечети. В прошлом в с. Гагатль было 4 мечети: три квартальных (на окраинах села) и одна главная мечеть, размером 40х40 м, в центре села. В 1955 году эта мечеть была отремонтирована якобы под молитвенные цели, но была занята под клуб, который часто бывает на замке. Верующие якобы не ходят в этот клуб, так как он находится в мечети. Они согласны построить за свой счет новое здание для клуба с тем, чтобы им передали здание мечети, занятое под клуб.

На вопрос, где верующие молятся и совершают свои религиозные обряды, гр[ажданин] Рамазанов ответил, что они посещают действующую мечеть в с. Анди Ботлихского района, которая находится в 5–6 км от с. Гагатль. И тут же добавил, что работающим верующим ходить молиться в эту

мечеть невозможно, так как на дорогу требуется много времени. У стариков время имеется, но им тяжело ходить пешком, а транспорта колхоз не дает.

В ответ на это я сказал гр. Рамазанову, что он говорит мне неправду, так как по имеющимся в Совете сведениям группа верующих с. Гагатль летом 1957 года самовольно отремонтировала квартальную мечеть размером 10х15 м и отправляет в ней религиозные обряды.

Представители верующих – Баширов, Мухтаров и Рамазанов, переговорив между собою на своем родном аварском языке, подтвердили сказанное мною и тут же заявили, что эта мечеть очень маленькая, не вмещает всех желающих и что местные органы власти не разрешают им молиться в этой мечети, запирают ее. В с. Гагатль проживают кадий Магомед Алиев Джамал и мулла Джамилая Баисулаев, которые по просьбам верующих совершают все религиозные обряды.

Мною обращено внимание представителей верующих на то, что самовольный ремонт группой верующих здания неоткрытой и переданной им мечети является нарушением Советского законодательства о культурах и может послужить причиной для отказа в удовлетворении их ходатайства об открытии мечети и регистрации религиозного общества.

Одновременно с этим я разъяснил им порядок возбуждения и рассмотрения ходатайств верующих об открытии молитвенных зданий и регистрации религиозных обществ и рекомендовал о результатах рассмотрения ранее поданного верующими заявления, на которое якобы ими не получено ответа, обратиться к уполномоченному Совету по делам религиозных культов при Совете министров Дагестанской АССР т. Гасанову» [8].

Под влиянием антирелигиозной пропаганды в 40–80-х годах XX в. ислам в Дагестане действовал больше в условиях подполья. В ходе этой кампании «практически была разгромлена исламская классическая культура, ликвидирован и без того тонкий слой духовной элиты, уничтожена система духовного образования» [4, с. 26]. Известные западные исследователи ислама А. Беннигсен и Ш. Лемерсье-Келькеже называли в начале 80-х годов XX в. исламские народы России (СССР) «забытыми мусульманами» («les musulmans oubblés») [1]. В 1985 году в Дагестане действовали 27 мечетей¹.

Итак, к моменту распада СССР в 1991 году ислам в Дагестане постепенно начал возрождаться: стало увеличиваться количество мечетей (с 27 в 1985 г. до 514 в 1991 г.), дагестанцев, совершающих *хадж* – большое паломничество и *умра* – малое паломничество к святыням ислама в Королевство Саудовская Аравия (от 4 чел. в 1989 г. до 1200 чел. в 1991 г.), *мактабов* – начальных школ (в 1985 не было ни одного открыто действующего мактаба, а к 1991 году открыли 42 мактаба), *медресе* – средних учебных заведений (в 1985 г. не было ни одного открыто действующего медресе, а к 1991 году открыли 4 медресе) [34]. Были также созданы десятки исламско-благотворительных фондов, возобновлено паломничество к сотням святых мест в различных

¹ Для сравнения – в Чечено-Ингушетии действовали 4 мечети, в Кабардино-Балкарии – 4 мечети, в Азербайджане – 17 мечетей, в Узбекистане – 43 мечети.

районах Дагестана, которые были закрыты в годы советской власти. В результате всего этого резко увеличилось количество верующих дагестанцев, совершающих различные исламские обряды и ритуалы.

С конца 80-х годов XX в Дагестане стали активно действовать различные исламские радикальные группировки, позже получившие название «ваххабиты». В 1989–1991 гг. были созданы различные исламские партии и их филиалы: в 1989 г. – партия «Исламско-демократическая партия Дагестана» (руководитель – врач из г. Москвы Абдурашид Саидов, родом из Цумадинского района РД); в 1989 г. – северо-кавказский филиал ваххабитской всероссийской «Исламской партии возрождения» («Нахдатун») (руководители – Ахмад-Кади Ахтаев из с. Кудали Гунибского района, братья Багаутдин Магомедов и Абас Кебедов из с. Сантлада Цумадинского района РД); в 1991 г. проваххабитская партия «Джамаатун муслимин» (руководитель Хасбулат Хасбулатов из с. Губден Ленинского (ныне – Карабудахкентского) района РД).

Существенной радикализации подвергся и подвергается ислам в постсоветском Дагестане. Об этом – в следующем номере журнала.

Литература

1. *Bennigsen A., Lemecier-Guelguejay Ch.* Les musulmans oubliés L'islam en URSS aujourd'hui. – Paris, 1981.
2. *Агаев А.* Нажмутдин Самурский. – Махачкала: Даг. кн. изд-во, 1990.
3. *Алиев А.И.* На пути к социализму. Осуществление коммунистической партией ленинской национальной политики в Дагестане (1920–1925). – Махачкала: Дагкнигоиздат, 1974.
4. *Бережной С.Е., Добаев И.П., Крайнюченко П.И.* Ислам в современных республиках Северного Кавказа. – Ростов-на-Дону: Изд-во СКНЦ ВШ, 2002.
5. *Бобровников В.* Нагорный Дагестан: общинные земли священные // Ваш выбор. – 1993. – февраль.
6. *Бобровников В.О.* Вакф в Дагестане: из вчерашнего дня в завтрашний? // Ислам и право в России: Материалы научно-практического семинара «Мусульманское право в мире и России (Северный Кавказ, Поволжье)». – М.: РУДН, 2004. Вып. 2.
7. *Булатов Б.Б.* Дагестан. Дагестан на рубеже XIX–XX вв. – Махачкала, 1996. – С. 141; История Дагестана с древнейших времен до наших дней. – Махачкала, 1997.
8. ГА РФ, ф. р-6991, оп. 4, д. 88, л. 19–20. Заверенная копия.
9. *Гаджиев А.С.* Роль русского народа в исторических судьбах народов Дагестана. – Махачкала: Дагкнигоиздат, 1964.
10. *Даниялов Г.Д.* Краткий курс истории Дагестана (период социализма и строительства коммунизма). – Махачкала, 1966.
11. История советского крестьянства Дагестана. – Махачкала, 1986. Т. 1.

12. *Каймаразов Г.Ш.* Очерки истории культуры народов Дагестана. – М., 1971.
13. *Какагасанов Г.И.* Религиозные мусульманские (примечетские) школы Дагестана // Ислам и исламская культура в Дагестане. – М.: Восточная литература, 2001.
14. Красный Дагестан. 10.03.1927.
15. Красный Дагестан. 10.11.1927.
16. Красный Дагестан. 27.01.1926.
17. *Курбанов М.Р., Курбанов Г.М.* Религия в культуре народов Дагестана. – Махачкала, 1996.
18. *Магомедов А.М.* Совместная работа Н. Самурского и Тахо-Годи по вопросам свободы совести // Нажмутдин Самурский (Эфендиев). Книги. Статьи. Документы. Исследования / Сост. К.М. Ханбабаев. – Махачкала: ГУП «Даг. кн. изд-во», 2003. – С. 538.
19. *Магомедов А.М.* Алибек Тахо-Годи. Жизнь, мировоззрение, творческое наследие. – Махачкала, 1993.
20. Обзор Дагестанской области за 1913 г. – Темир-Хан-Шура, 1915.
21. Обращение Дагестанского комитета Российской Коммунистической партии, Центрального Исполнительного Комитета и Совета Народных Комиссаров ДАССР к населению Дагестана // Красный Дагестан. 15.09.1923.
22. Революционные комитеты Дагестана и их деятельность по упрочению Советской власти и организации социалистического строительства (март 1920 г. – декабрь 1921 г.) Махачкала, 1960.
23. Революция и горец. – Ростов-на-Дону, 1929. № 7–8.
24. Республика Дагестан. Административное устройство, население, территория (60-е гг. XIX – 90-е гг. XX в.). Статистический справочник. – Махачкала: Дагкнигоиздат, 2001.
25. *Рой Я.* Ислам в Советском Союзе после Второй мировой войны // *Иордан М.В., Кузеев Р.Г., Червонная С.М.* Ислам в Евразии: современные этические и эстетические концепции суннитского ислама, их трансформация в массовом сознании и выражение в искусстве мусульманских народов России. – М.: Прогресс-Традиция, 2001.
26. *Салахбекова З.А.* Власть и мусульманское духовенство Дагестана: история взаимоотношений (1920–1940 гг.): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Махачкала: ИИАЭ ДНЦ РАН, 2003.
27. *Самурский (Эфендиев).* Гражданская война в Дагестане // Нажмутдин Самурский (Эфендиев). Книги. Статьи. Документы. Исследования / Сост. К.М. Ханбабаев. – Махачкала: ГУП «Даг. кн. изд-во», 2003.
28. *Самурский Н.* Ко 2-му Вседагестанскому съезду кресткомов // Красный Дагестан. 1829. № 111. Четверг. 17.05.1928.
29. Самурский Н. Отчетный доклад Правительства ДССР IV Вседагестанскому съезду Советов (окончание) // Красный Дагестан. 09.04.1925. № 79 (894).

30. *Самурский Нажмутдин (Эфендиев)*. Дагестан // Самурский (Эфендиев) Н. Книги. Статьи. Документы. Исследования / Сост. К.М. Ханбабаев. – Махачкала: ГУП «Даг. кн. изд-во», 2003.
31. Советский Дагестан / Под ред. Аликберова Г. – Махачкала: Даггиз, 1938.
32. *Сталин И.В.* Сочинения. – М.: Партиздат, 1948. Т. 4.
33. Съезд народов Терека. Т. II. – Орджоникидзе, 1978.
34. Текущий архив Министерства по национальной политике, делам религий и внешним связям Республики Дагестан. Фонд «Ислам в Дагестане», папки «Мечети в Дагестане», «Паломничество мусульман в Дагестане», «Мусульманские учебные заведения в Дагестане».
35. *Ханбабаев К.М.* Эволюция исламского радикализма в Дагестане: история и современность // Исламоведение. 2009. № 2. – С. 123–141.
36. *Ханбабаев К.М.* Возрождение мусульманского права в Дагестане: теория и практика // Ислам и право в России: Материалы научно-практического семинара «Мусульманское право в мире и России (Северный Кавказ, Поволжье)». – М.: РУДН, 2004. Вып. 2.
37. ЦГА РД / Архив Дагобкома КПСС, ф. 1, оп. 2, д. 89, л. 67.
38. ЦГА РД / Партархив обкома КПСС, ф. 1, оп. 1, д. 4, л. 13.
39. ЦГА РД, ф. 1 (п), оп. 10, д. 9, л. 87.
40. ЦГА РД, ф. 1-37, оп. 20, д. 91, л. 1.
41. ЦГА РД, ф. 1-п, оп. 1, д. 105, л. 31.
42. ЦГА РД, ф. 1-п, оп. 1, д. 1100, л. 28.
43. ЦГА РД, ф. 1-п, оп. 1, д. 1268, л. 18.
44. ЦГА РД, ф. р-14, оп. 3, д. 9, л. 155.
45. ЦГА РД, ф. р-4, оп. 2, д. 52, л. 87.
46. ЦГА РД, ф. р-4, оп. 3, д. 21, л. 144.
47. ЦГА РД, ф. р-800, оп. 2, д. 49, л. 58.
48. ЦГА РД, ф. р-800, оп. 2, д. 9, л. 136.